

МАОИЗМ — АНТИЛЕНИНСКАЯ

НАЧАЛО «великой пролетарской культурной революции» в Китае знаменовало собой полный разрыв маоистов с марксистско-ленинским учением. Теперь уже речь шла не о ревизии отдельных положений марксизма-ленинизма, а его полной подмене примитивным набором «идей Мао Цзэ-дун». Вместе с тем происходящие в сегодняшнем Китае события уходят своими корнями в историю многочисленных попыток Мао Цзэ-дуна и его клики навязать китайскому народу авантюристическую «теорию» построения мнимо-коммунистического общества.

Уже с самого начала своей политической карьеры Мао Цзэ-дун противопоставил подлинному марксизму-ленинизму собственную теорию «крестьянского социализма», суть которого сводилась во внутреннем плане к отрицанию руководящей роли пролетариата и провозглашению мелкобуржуазного и даже патриархального крестьянства «самым революционным» и «подлинно социалистическим» классом, а во внешнем плане — к отрицанию всех задач международного коммунистического движения. В те времена, правда, маоизм вынужден был фразеологически маскировать свою антимарксистскую и антисоветскую сущность под вывеской «китаизированного марксизма».

Что же в действительности представляет собой маоизм?

Это антиленинская реакционная теория, которая выдвигает в качестве идеала общественного устройства принципы всеобщей уравнительности и тотальной централизации на базе существующего, крайне низкого социально-экономического уровня развития страны.

Мао Цзэ-дун впервые предпринял попытку реализовать эту теорию в 1958 году, когда он выдвинул лозунги «большого скачка» и «народных коммун». Осуществление этих лозунгов, по его мнению, позволило бы Китаю одним махом вырваться вперед, обогнать все развитые (в том числе и социалистические) страны и примерно за три года перейти к коммунизму, минуя социалистический этап развития. Это была смесь великодержавного шовинизма с реакционным утопизмом.

Потребовалось, однако, менее двух лет, чтобы для всех стал очевидным полный провал этих замыслов. И, как всегда бывает в таких случаях с мелкобуржуазным авантюризмом, ничем не оправданный оптимизм легко сменился настроениями отчаяния и капитулянтства. Уже вскоре Мао Цзэ-дун объявил, что для строительства социализма в Китае потребуется 50 или даже 100 лет, а о коммунизме-де

и вовсе нечего думать, пока на свете существует империализм.

В то же время выдвижение такого пессимистического тезиса вовсе не означало, что Мао Цзэ-дун, признав свое поражение, отказался от своих великодержавных устремлений. Просто он решил идти к намеченной цели — мировому гегемонизму — иным путем. Ставка теперь делалась на ядерный конфликт между СССР и основными империалистическими державами, в то время как сам Китай, исподволь накапливая собственный ракетно-ядерный потенциал, смог бы переждать военную катастрофу и затем на развалинах цивилизации утвердить свое мировое господство.

Разумеется, для осуществления подобных замыслов Мао Цзэ-дуну необходимо было абсолютное полновластие, то есть ликвидация существующих органов партийной и государственной власти. И вот, пока страна занималась так называемым урегулированием последствий экономической катастрофы и зализыванием ран, нанесенных ей чудовищным экспериментированием, Мао Цзэ-дун подготавливал свой очередной «скачок». Собравшись с силами, он развернул осенью 1966 года новую политическую кампанию под демагогическим названием «великой пролетарской культурной революции». Она привела к разгону конституционных органов народной власти, ликвидации главного препятствия на пути маоистских авантур — компартии, замене ее новой

авторитарной организацией, господству военно-бюрократической диктатуры.

Маоизм претерпел, таким образом, определенную трансформацию, выразившуюся в изменении соотношения заключенных в нем реакционности и утопизма. Если до «культурной революции» объективная реакционность маоизма происходила из его субъективных утопических заблуждений и установок, то теперь утопичности заметно поубавилось, она стала вытесняться циничным и чудовищным прагматизмом, а реакционность сделалась абсолютной.

Окончательный отказ маоистов от идеи построения социализма и установ-

ка на провоцирование международного ядерного конфликта имели своим результатом полное пренебрежение к нуждам социального, экономического и культурного развития, максимальную «экономию» средств для ускоренного наращивания ракетно-ядерного потенциала. Осуществление подобной политики требовало, в свою очередь, соответствующей идеологической и психологической обработки населения. Орудия и методы для подобной обработки маоисты стали щедро заимствовать из богатого арсенала

■ АНТИСОВЕТИЗМ И ШОВИНИЗМ

■ ИЗМЕНА ПРОЛЕТАРСКОМУ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМУ

■ ЦЕЛЬ МАО — МИРОВОЙ ГЕГЕМОНИЗМ

■ ЛИКВИДАЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

■ ГОСУДАРСТВО ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ

■ КУЛЬТ И ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ МАО ЦЗЭ-ДУНА

■ БЕСПОЩАДНЫЕ ГОНЕНИЯ НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

РЕАКЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

Н. СИМОНЯ

Кандидат экономических наук

средневековья. В соответствии с главной задачей сохранения народного потребления на предельно низком уровне в ход была пущена проповедь аскетизма, строгости нравов, борьба с «экономизмом», требование отказаться от всех удовольствий и радостей жизни. Ленинский принцип материальной заинтересованности был заменен лозунгами «твердого осуществления рациональной системы низкой заработной платы» и «стремления к высоким показателям в производстве, а в жизни — к низкому уровню». В стране стали широко популяризоваться хвалебные гимны Мао Цзэ-дуну «бедности», которая рассматривалась ныне как великое «благо» для Китая. Слова Мао Цзэ-дуна: «Страшно подумать о том времени, когда все люди будут жить богато», — превратились в кредо маоистской политики, целью которой является работа народа на износ.

Исторически призыв к аскетизму был присущ почти всем массовым крестьянским движениям. В самом Китае примером тому служит Тайпинское восстание 1851—1864 годов. Проявления аскетизма наблюдались также на начальных стадиях пролетарского движения в эпоху зарождения капитализма в Европе. Классики марксизма-ленинизма рассматривали это явление как «необходимую переходную ступень», без которой «низший слой общества никогда не может прийти в движение»¹. Поэтому аскетизм эпохи средневековья носил в определенной мере революционный характер.

Аскетизм, который пытается насадить в Китае маоцзэдуновская клика, иного рода. Он вызван к жизни не объективными условиями, а искусственно насаждается сверху. Это не значит, конечно, что в современном Китае полностью исчезла объективная основа для возникновения настроений всеобщей уравнительности и воздержания. Если бы это было так, то любые насильственные ухищрения в этом направлении были бы столь же кратковременными, сколь и безуспешными. В том-то и дело, что и сегодня в Китае еще существует в определенных масштабах подобная объективная основа, особенно в деревне. Суть же вопроса заключается в том, что Китай в своем общественном развитии уже прошел ту стадию, когда стихийное возникновение отмеченных выше настроений аскетизма и уравнительности могло бы принять всеобщий и преобладающий характер. Поэтому активное возрождение этих явлений может быть лишь результатом сознательно направляемой политики, идущей вразрез с нормальным общественно-историческим развитием страны, а посему носящей реакционный характер. Сегодня аскетизм в Китае является не отражением стихийного протеста народных масс против эксплуататорских классов, а проявлением авторитарной политики маоистов, использующих его как орудие выживания из народа средств, необходимых для содержания аппарата принуждения, для милитаризации страны и проведения авантюристического внешнеполитического курса.

Маоизм заимствует и другие атрибуты средневековья. Известно, что общественные движения той

эпохи сплошь да рядом приобретали религиозную окраску. В те времена это имело свое историческое обоснование. Теперь мы наблюдаем, как подобное же явление искусственно внедряется маоистами в Китае. Безудержно раздувая культ Мао, насаждая среди населения личную преданность «вождю», маоисты фактически обожествовали Мао Цзэ-дуна, а бессистемный набор его отрывочных высказываний превратили в новую религию, с помощью которой они пытаются монополизировать интеллектуальное образование и духовную жизнь народа. Одним из важнейших средств для осуществления подобной монополизации и превращения маоизма в «абсолютную истину» служит политика изоляционизма.

Китайские императоры использовали политику изоляционизма для укрепления своего политического господства в стране. Пережитки традиционного изоляционизма долгое время продолжали оказывать отрицательное воздействие на общественное развитие Китая и после того, как в середине XIX века английские пушки и дешевые ткани пробили брешь в искусственной стене, окружавшей «Срединную», или «Поднебесную», империю. Вот что писал по этому поводу, например, китайский историк Ли Шу:

«Чтобы побудить императора и его министров согласиться побольше учиться у Запада, прогрессивные элементы того времени настойчиво утверждали, что все естественные науки и техника западных стран являются результатом дальнейшего развития замечательных и прекрасных идей, открытых древними людьми Китая, что политический строй западных стран тоже уже давным-давно был известен в древнем Китае, следовательно, для нынешнего Китая учиться у западных стран равносильно «возвращению к древним временам», «обращению к варварам за своими утраченными церемониями и обрядами», «изучению наук, которые издавна существовали в Китае», только и всего».

И вот ныне, после того как Китай прошел сложный и длительный путь в преодолении своей вековой изоляции, когда с образованием в 1949 году КНР начали бурно развиваться контакты с различными государствами, маоисты вновь вергли страну в состояние изоляции. Это и не удивительно, ибо маоисты как огня боятся того «разлагающего» влияния, которое может оказать на китайских трудящихся практика и теория социалистических стран. Характерно, что еще в марте 1966 года (то есть до начала «культурной революции»), в беседе с главой японской делегации КПЯ Миямото, Мао Цзэ-дун категорически отверг предложение о создании «единого международного фронта» для поддержки борьбы вьетнамского народа и заявил, в частности, что «не надо бояться изоляции».

Разумеется, маоистам нечего бояться изоляции китайского народа от внешнего мира — ведь именно она служит им средством для удержания народных масс в повиновении, помогает сохранять господство их военно-бюрократической диктатуры. Она позволяет им одурманивать людей всевозможными измышлениями и сочиняемыми ими же самими «сводками со всех концов мира», в которых сообщается, что все население земного шара якобы повседневно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 7, стр. 377—378.

изучает «идеи Мао» и раболепно преклоняется перед «великим кормчим».

С политикой изоляционизма неразрывно связаны и беспощадные гонения на интеллигенцию в Китае, как на тот слой общества, который прежде всего способен нанести ущерб подобной политике. Поэтому маоисты, с одной стороны, проводят многочисленные кампании по отправке «широких масс образованной молодежи и оторванных от труда городских жителей в деревню на трудовое перевоспитание», а по сути дела — в обнесенные колючей проволокой концентрационные лагеря (за последние несколько месяцев таким образом было выслано около 25 миллионов человек). С другой стороны, они всемерно культивируют враждебное и пренебрежительное отношение к учителям школ и преподавателям высших учебных заведений. Как указывалось в рупоре маоистов — газете «Жэньминь жибао», они поставили перед собой задачу «полностью изменить облик интеллигенции в Поднебесной».

Реакционная маоистская политика отнюдь не пользуется всеобщей поддержкой в стране и наталкивается на растущее (хотя большей частью пока пассивное) сопротивление. Поэтому маоисты вынуждены осуществлять тщательный надзор за настроениями и взглядами людей. Эту функцию вначале выполняли хунвейбины и цзюафани, опиравшиеся на поддержку армии. В последнее время маоисты решили создать на промышленных предприятиях новую разновидность надзирателей — «хуншаобинов» для усиления контроля над рабочими коллективами, что в сущности означало воссоздание системы «бао цзя», то есть системы круговой поруки, политического надзора и шпионажа, насаждавшейся на предприятиях Китая при старых эксплуататорских режимах.

Одной из главных черт общественно-политической жизни нынешнего Китая является ее тотальная милитаризация. В мирное время, когда стране не грозила никакая-либо непосредственная опасность, китайскому народу искусственно навязывались дух, стиль и ритм жизни, характерные для освобожденных районов периода антияпонской войны. Армия окончательно превратилась в главную политическую силу страны. Только с ее помощью Мао Дзэ-дуну удалось к концу 1968 года завершить разгон конституционных органов государственной власти на местах и замену их «ревкомками», в которых решающая роль принадлежит той же армии (из 29 провинциальных «ревкомов» 24 возглавляются военными).

Чтобы окончательно закрепить результаты «культурной революции» — растянувшегося на два с лишним года государственного переворота, — маоисты решили провести так называемый «Всекитайский IX съезд КПК». Этот «съезд», представлявший собой сборище специально подобранных маоистами полутора тысяч «делегатов», продолжался с 1 по 24 апреля нынешнего года. Судя по новому «уставу партии» и информационному коммюнике, «съезд» канонизировал маоизм в качестве официальной и единственной идеологии и возвел антисоветизм в ранг государственной политики.

В новом «уставе КПК» главный акцент делается на централизации, всецело основывающейся на личной преданности «великому вождю» — Мао Цзэ-дуну. Министр обороны КНР Линь Бяо объявляется его преемником. Подобные моменты еще более усилили абсолютистскую окраску формирующейся военно-бюрократической диктатуры. В то же время келейно-семейный характер подбора руководящей верхушки «партии», в которую вошли сам Мао Цзэ-

Тайны «Китайской мафии»

Ю. КАГРАМАНОВ

А ПОСЛЕДНИЕ годы торговля опиумом, которую ведет маоцзэдуновская клика, получила широкую огласку.

«Китай контрабандно торгует наркотиками», «КНР сделалась крупнейшим в мире поставщиком опиума» — такого рода сообщения можно встретить в прессе многих стран мира. По различным оценкам, выручка от контрабандной продажи наркотического сырья составляет в Китае от 500 до 800 миллионов долларов в год и является одним из важнейших источников его инвалютных поступлений.

Менее известно, что delicate операции по сбыту китайского опиума осуществляет «Триада» — гангстерский концерн с центром в Гонконге. Деятельность этой «китайской мафии», вот уже много лет терроризирующей население Гонконга, да и не только его, окутывает глубокая тайна. Членов ее связывает обет молчания, более суровый, чем даже у сицилийских мафиози.

Тайное общество «Триада» (по-китайски «Саньхэ-хой») было создано в Южном Китае во второй половине XVII столетия для борьбы с маньчжурскими завоевателями. Но уже в XIX веке некоторые руководители «Триады» занимались деятельностью, не имеющей ничего общего с антиманьчжурской борьбой, как, например, продажей китайских кули в Америку и Австралию. После революции 1911—1912 годов, свергнувшей власть маньчжурских богдыханов, «Триада» окончательно вырождается в гангстерскую организацию, промышленную «покровительственным» рэкетом, торговлей наркотиками, наживающуюся на проституции.

Накануне второй мировой войны «Триада» сыграла роль пятой колонны для японских оккупантов. В награду за оказанную помощь японцы после оккупации Южного Китая официально разрешили членам «Триады» содержать игорные и публичные дома и торговать наркотиками.

Деятельность «Триады» не ограничивается Гонконгом. Организации «Триады» существуют в Макао и на Тайване, а также в тех странах, где есть китайские землячества: в Малайзии, Сингапуре, Бирме,

дун, Линь Бяо, Чжоу Эн-лай, Кан Шэн и их жены, невольно возрождает в памяти воспоминания о том времени, когда Китаем правила печальной известности клика «четыре семьи» во главе с Чай Кай-ши и его супругой Сун Мэй-лин.

Бросается в глаза почти полное отсутствие в опубликованных документах «съезда» упоминаний об экономических проблемах, стоящих перед страной. Сколько сделано Линь Бяо в отчетном докладе заявления о том, будто в Китае «уже несколько лет подряд собираются богатые урожаи, бурного расцвета достигли промышленное производство, наука